

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Т.В. Владимирова

РОСТ ИНТЕНСИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublsh.com

Аннотация. Аналитики, философы говорят о сжатии социального пространства и времени. Социальную коммуникацию и социальную информацию мы рассматриваем как форму и содержание информационного аспекта социального взаимодействия. Все более расширяется спектр эволюционных механизмов вариации и отбора, доказавших свою пригодность, социально успешных, наследуемых селекций, что ускоряет социальную эволюцию (Н. Луман). Социальные практики, составляющие постсовременность, обретают совершенно иные характеристики. Предметом исследования являются особенности социальных практик, обусловленные ростом интенсивности социального информационного взаимодействия. Теоретико-методологическим основанием исследования являются неоклассическая теория эволюции Н. Лумана, концепт симмуляционно-го бытия Ж. Бодрийяра, концепция социальности В.Е. Кемерова, идеи Д.В. Иванова, А.Ф. Лосева, З. Баумана, М. Кастельса. Отмечается, что следствием роста интенсивности информационных потоков являются такие характеристики социальных практик, как риск и неопределенность; отвлеченность, дистанцированность и абстрагированность. Сеть, как инструментальная предметная форма деятельности, определяет особенности современной практики в условиях информационных потоков. Она позволяет прорабатывать в различных формах-схемах, по возможности, большое количество связей и отношений. Делается предположение, что эволюция социальной формы деятельности или практики – это рождение, развитие и потенциальное умирание некоторой «рациональной социальности», в основаниях которой лежит увеличение потока информации, представляющей действительность. Социальная практика характеризуется различными формами социальности – абсолютной (институты), относительной (сети), ситуативной и частной (отдельные интеракции), альтерсоциальность (пространство потоков) (Д.В. Иванов). С другой стороны, в основаниях движения в восприятии «имени вещи» (А.Ф. Лосев) как информации лежат различные характеристики интенсивности информационного процесса в порядке возрастания, соответствующие абсолютной, относительной, ситуативной и альтерсоциальности. Отмечается, что особенностью современных социальных практик является колонизация общественного частным (З. Бауман) и направленность к «сетевому, внеисторическому пространству потоков» в ущерб устойчивости общих культурных кодов общества (М. Кастельс).

Ключевые слова: особенности практик, интенсивность коммуникации, информационные потоки, риск, неопределенность, отвлеченность, дистанцированность, абстрагированность, колонизация общественного, сетевая направленность, формы социальности, сеть.

Нарастание сложности, многоаспектности жизни общества, рост скорости протекания социальных процессов связаны с ростом интенсивности информационных потоков. Ряд авторов современных социальных теорий, ставящих проблемы личности и общества, связывают их с особенностями социальной действительности, насыщенной информацией и

информационными процессами. М. Кастельс рассуждает о «кризисе идентичности» в условиях информационных процессов в современном обществе, для У. Бека личность выступает как «биографическое решение системных противоречий» в связи со сложностью прогнозирования социальных изменений в «обществе риска». Э. Гидденс рассматривает проблемы риска и безопасности,

связывая их, в том числе, с ростом информационных потоков. З. Бауман связывает индивидуализацию общества и кризис личности с ростом количества социальных значений (информации). В свое время О. Тоффлер писал о шоке будущего, возрастании временности социальной ситуации, Ж. Бодрийяр, рассуждая о перерождениях социального значения в обществе, приходит к выводу о «симулятивном псевдобытии» личности. Подобные вопросы ставятся и многими отечественными авторами (Д.В. Иванов, Н.И. Лапин, Г.И. Лукьянов, Н.Н. Моисеев, Б. Марков, А.В. Назарчук, М. Эпштейн, В.Е. Кемеров, Ю.А. Кимилев, А.С. Кравченко, В.М. Розин и др.).

В последние десятилетия информационное общество из гипотезы становится реальностью. Необходимость анализа особенностей социальных практик в условиях интенсивности информации обусловливается самим фактом определяющей роли информации и информационных процессов в современном обществе. Автор пытается выявить особый сущностный аспект практик постсовременности – их общие свойства, вызванные интенсивностью внешней информационной среды. Такая процедура важна для того, чтобы задать единый исследовательский вектор в анализе разнородной, постоянно изменчивой действительности социума. Обратимся к анализу состояния социального мира в условиях современного роста информационных потоков.

Ускорение социокультурной эволюции, вслед за Н. Луманом, трактуется нами как дальнейшее увеличение дифференциации социальной коммуникации. Социальную коммуникацию и социальную информацию мы рассматриваем как форму и содержание информационного аспекта социального взаимодействия¹. Все более расширяется спектр эволюционных механизмов вариации и отбора, доказавших свою пригодность, социально успешных, наследуемых селекций. Это ускоряет социальную эволюцию, поскольку теперь увеличивается возможность выбора на основе более специфических позиций. С точки зрения Н. Лумана, основное свойство современного общества – возросший процесс системной дифференциации как способа взаимодействия со сложностью его внешней среды. Диф-

ференциация есть «репликация в пределах системы различия между системой и внешней средой». Другими словами, дифференциация в системе – это способ действия в отношении изменений во внешней среде. Каждая система должна поддерживать свои границы с внешней средой, иначе бы ее поглотила сложность внешней среды, она бы разрушилась и прекратила свое существование. Процесс дифференциации представляет собой средство повышения сложности системы, поскольку каждая подсистема может устанавливать с другими подсистемами различные связи. Это предусматривает большее внутрисистемное разнообразие для реагирования на разнообразие внешней среды². Вызываемое дифференциацией большее разнообразие не только предусматривает лучшую реакцию на внешнюю среду, оно предусматривает более быструю эволюцию. *Процесс социального ускорения возможно охарактеризовать двумя моментами: 1) увеличением моментов выбора информации или увеличением количества значений (информации); 2) увеличением скорости выбора информации или увеличением скорости социального информационного взаимодействия*³.

«Коммуникативные коды (власть, истина), – пишет А.Ю. Антоновский, анализируя работы Н. Лумана, – и есть те смысловые схематизмы, типы, которые управляют селекциями той одной-единственной возможности, которая в данном контексте (горизонте возможностей) имеет смысл, актуализируется и, в конечном счете, определяет содержание системы, становится ее элементом»⁴. Было время, когда не существовало ни власти и истины, ни права и собственности. Что же тогда определяло селекцию действий и переживаний? Видимо, конкретные, многообразные ситуативные контексты. «Если, здороваясь, мне подадут руку, я в ответ протягиваю свою. И это тоже форма влияния, поскольку мой знакомый, выбрав свое действие («редуцировав комплексность контингентно-возможного»), сузил круг моих возможных ответов.

² Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Логос, 2004.

³ Владимирова Т.В. Социальное взаимодействие как информационный процесс // Игнатъев В.И., Владимирова Т.В., Степанова А.Н. Социальная система как информационное взаимодействие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. 308 с. Раздел 1. С. 47-152.

⁴ Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. С. 230.

¹ Владимирова Т.В. Социальное взаимодействие как информационный процесс // Игнатъев В.И., Владимирова Т.В., Степанова А.Н. Социальная система как информационное взаимодействие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. 308 с. Раздел 1. С. 47-152.

В данном случае возникла система интеракции. Генерализация коммуникативных средств состоит в том, что индивиды начинают выбирать (селекционировать) свои действия, отказываясь связывать их с конкретной ситуацией, пусть даже она и обещает непосредственное вознаграждение: если у меня срочное поручение начальника, я ведь не зайду по пути в кафе. Отныне в любой социальной ситуации, в которой бы не находился действующий, он ориентируется (выбирает свои действия и переживания) на генерализированный (то есть обобщающий) код (например – власть). Из множества возможных действий реализуется лишь одно, имеющее смысл в данной системе. Социальное действие конституировано горизонтами, которые выполняют функцию редукции сложности возможных действий. Каждый горизонт имеет дуальную, симметричную структуру (истина-неистина, власть-безвластие, любовь-нелюбовь) – смысловой механизм, ориентир, отвечающий за отбор («селекцию») участниками именно системных или внутрисистемных действий. В рамках простейшей системы интеракции все возможности выбора действий симметричны. Выбор внешнего или внутреннего, авторства «Эго» или «Альтера», прошлого или будущего в горизонтах действия – равновероятен. Однако в процессе функциональной дифференциации общества эта априорная структура асимметризируются: каждая специфическая, дифференцированная система (наука, политика и др.), которая имеет своими элементами системы интеракции, так ангажирует сами по себе симметричные интеракции, что те или иные значения в горизонтах системы получают устойчивые предпочтения⁵. Поскольку всякая интеракция в той или иной степени «ангажирована» специфической функциональной подсистемой со специфическими ролями (наукой, политикой, религией и т.д.), то, в результате, горизонты асимметризируются – в каждом измерении возникают устойчивые распределения значений (предпочтения, ожидания). С другой стороны, выбор в горизонтах функционально-дифференцированных систем определяется иными смысловыми схематизмами (деньги, власть, истина, право, собственность)⁶. Нарастание дальнейшей дифференциации ведет к ускорению коммуникаций внутри системы и за ее пределами.

Современное общество, уже два века практикующее «самонаблюдение», теперь располагает более адекватными средствами самоописания. Оно способно уловить, какие именно изменения вызваны им самим, его структурами, то есть, какие последствия можно ожидать в будущем. Н. Луман утверждал, что современное общество переживает свое будущее в форме риска решений. Автор общей теории систем ставит вопрос об экологии, то есть о проблеме самосохранения общества. Под экологией теоретик понимал «совокупность научных исследований, которые на любом уровне системобразования занимаются последствиями дифференцирования окружающей среды системы и самой системы для окружающей среды»⁷. Хотя мы знаем, что многие проблемы вызваны решениями об использовании техники, мы не можем, ввиду сложности взаимосвязей различных факторов, связать вину за это ни с одним отдельным решением. Равным образом, и выйти из затруднений посредством решений – экономических, политических, научных – невозможно. Современные «экологические проблемы» (по Н. Луману) вызваны отсутствием единой, целостной самореференции общества, его функциональной дифференциацией, в основаниях которой, на наш взгляд, лежит ускорение социального информационного взаимодействия вещей социальной реальности. С одной стороны, в обществе возрастают возможности воздействия на окружающий мир. С другой стороны, реагировать на возникшие изменения приходится не тем, кто их вызвал, а функциональным системам, которые считаются для этого полномочными (например, науке или политике).

А.Ф. Филиппов вслед за Н. Луманом утверждает, что, по существу, интенсивность коммуникаций по проблемам самосохранения общества обусловлена тем, что предметом обсуждения становится незнание⁸. Социальное информационное взаимодействие вещей ведет к дальнейшему «различению различения» (новой информации) и наблюдению действительности, что, в свою очередь ведет, к разрастанию множества социальной информации для смысловой системы. Элементы значений этого множества в своем многообразии и временности (скорость взаимодействия диктует все новые и новые значения-знаки, отвергающие потенциально или размы-

⁵ Там же. С. 239.

⁶ Там же. С. 240.

⁷ Там же. С. 127.

⁸ Филиппов А.Ф. Луман Н. Наблюдение современности // Социол. журн. 1994. № 1. С. 188.

вающие уже устоявшиеся в обществе значения) все более затрудняют возможности целостности субъекта взаимодействия, возможность автопойезиса и самореференции смысловой системы. Типизация взаимодействия или коммуникации становится все более затрудненной. Н. Луман утверждал, что отсутствие в современном функционально дифференцированном обществе авторитетной позиции самонаблюдения ведет к *легитимности «коммуникации незнания»*. В контексте наших рассуждений легитимность «коммуникации незнания» – это та степень дифференциации (саморазделения) системы, которая уже не поддается адекватной самореференции или наблюдению второго порядка.

Один из очерков книги Н. Лумана «Наблюдение современности» называется «Контингенция как подлинная ценность современного общества»⁹. Н. Луман определяет контингенцию как «возможность быть по-другому». Во многих европейских языках это понятие означает случайность и зависимость. Коммуникация незнания для Н. Лумана является отправной точкой для концептуализации риска. Итак, такие характеристики социальных практик как *риск и неопределенность*, столь популярные в современной социологической теории (У. Бек, З. Бауман, С. Лэш, Э. Гидденс и др.), мы фиксируем в теории Н. Лумана как *следствие роста скорости и многообразия социальных коммуникаций*.

Если Н. Луман в основаниях ускорения социокультурной эволюции усматривает нарастание процессов дифференциации социальной коммуникации, приводящей к «контингенции как подлинной ценности современного общества», то В.Е. Кемеров, по сути, этот же процесс рассматривает как развитие, дифференциацию социальной формы деятельности личности¹⁰. Социальное (сверхчувственное бытие личности – понятие, употребляемое В.Е. Кемеровым) бытие личности выражается в определённых формах деятельности.

Для понимания особенностей социальной формы деятельности, присущей бытию личности, обратимся к логике развития социальной формы (или схемы). В.Е. Кемеров указывает, что историзм социальной формы заключается в изменении характера отношений человека к схемам деятельности на разных этапах социальной эволюции, к их роли в жизни и развитии личности. На наш взгляд,

это изменение отношения к схеме деятельности в немалой степени обусловлено ускоренным ростом частоты передачи значений, ростом интенсивности информационного взаимодействия. На ранних этапах истории, этапах низкой частоты информационного взаимодействия индивид принимает схемы деятельности как естественный закон человеческого бытия. Он фактически отождествляет себя с той последовательностью схем, которые предлагает ему род. Другими словами, человек находится еще в том состоянии целостности, самоединства, сознание его синкретично, когда невозможно какое либо вычленение самосознания – с одной стороны, и социальных связей и вещей – с другой стороны. Но растет предметность человеческого бытия, с ускорением информационного взаимодействия все большее количество вещей (как моментов бытия) оказываются вовлеченными в действительность индивида. В ходе развития общества вырабатываются схемы, задающие лишь общие формы взаимодействия людей соответственно особым социальным позициям, видам занятий, обобщенным ситуациям. Здесь мы фиксируем появление еще одной характеристики современной социальной практики – ее *отвлеченность, дистанцированность и абстрагированность*.

Социальная форма деятельности все более начинает приобретать отвлеченный характер. Так, например, в области нравственной на смену жесткой регламентации запретов приходит ряд основных заповедей, а те в свою очередь концентрируются в обобщенных нормах и принципах человеческих взаимоотношений. Возникает дистанция между возникшими «схемами-ориентирами», «схемами-символами» – с одной стороны, и повседневным опытом человека – с другой. Человеку приходится собственными силами приспособлять к своей жизни имеющиеся в его распоряжении схемы деятельности: теперь уже на индивидуальном уровне возникает проблема освоения и выработки жизненных форм, а стало быть, и проблема индивидуального пути, личностного выбора. Важно подчеркнуть причастность самого человека к выработке этих форм, их сопряженность с внутренней и внешней жизнью личности, со схемами ее деятельности, общения, сознания. В.Е. Кемеров отмечает, что эволюция социальных форм деятельности во времени многообразна и в определенном смысле аналогична биологической эволюции, если, иметь в виду не структуры организмов, а схемы их поведения. Разнообразно представлена она

⁹ Там же. С. 187.

¹⁰ Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. М.: Академ. проект, 2001. С. 58.

и в пространстве человеческой истории, в различных географических, этнических, национальных системах человеческого взаимодействия¹¹.

Проходят тысячелетия, прежде чем человек начинает отличать себя от тех зависимостей и связей, по формам (или по логике) коих он действует¹². Другими словами, по логике наших рассуждений, – интенсивность передачи информации (скорость социальных изменений) должна достигнуть определенного качества, для того чтобы человек пришел к необходимости разделять себя и свое бытие. Произойдут большие и длительные изменения в опыте и культуре человечества, прежде чем люди начнут смотреть на вещи через призму связей и действий, эти вещи использующих. В этих процессах, по-видимому, и стоит усматривать развитие целерационального действия или развитие классической рациональности. Форма (схема) переходит от схемы-образа к схеме-знаку (слову). Переход от образных представлений к знаково-символическим выражениям не стоит понимать как замену первого вторым. Образы человеческого сознания, поскольку они включены в совместно-раздельную деятельность людей, по необходимости оказываются знаками, т.е. указателями на сотрудничающих индивидов, на средства, способы и возможные результаты их деятельности. Образ предмета оказывается, кроме прочего, знаком орудия, образ орудия – знаком другого человека, образ другого человека – знаком действия, образ действия – знаком общения и т.д.

Можно, видимо, говорить о первоначальной слитности образа, символа и знака в картинном представлении предмета, о некоторой подчиненности символа и знака образу. С этим в какой-то мере и сопряжено «схватывание» человеком в предмете свойств и качеств, визуально в нем не представленных, «схватывание» информации, дальнейшее, но более высокое по скорости, увеличение информационного тезауруса личности. Здесь же, вероятно, таятся возможности описания объектов, телесно не оформленных и пространственно не определённых.

Итак, на следующей ступени развития (дифференциации социальной формы деятельности) происходит отделение от конкретных видов деятельности и устойчивых форм общения абстрактных, деиндивидуализированных форм поведения.

Такая культивация социальной формы, схемы человеческого поведения, конечно, способствует дроблению картинного восприятия жизни, разделению его на относительно независимые фрагменты и связи. Жесткой проверке подвергает она и схемы-ориентации, схемы-смыслы, «проваливаясь» в их размытость и незавершенность. Но, так или иначе, подобная культивация схем вырабатывает новые элементы социального мышления (мы бы сказали, развитие социального мышления в сторону его инструментальности), подводит личность к новым граням человеческого бытия¹³. Это ведет к дальнейшему «саморазделению бытия личности» (Л. Карсавин), к прогрессирующему увеличению ее информационного множества (тезауруса).

Начинается новый уровень проникновения человека в мир вещей. Все более увеличивается интенсивность социального информационного взаимодействия. Этот новый уровень проникновения человека в мир вещей или новый виток «саморазделения» (Л. Карсавин), самореференции (Н. Луман) личности обусловлен тем, что человек использует теперь не сами вещи, а отдельные полезные свойства вещей, соединяемые в ряды и системы, другими словами – все более осознанно использует саму информацию как технологизированное знание.

Приведенные рассуждения можно дополнить еще такой метафорой: в основе социального информационного взаимодействия, как способа существования социального мира лежит имя вещи. Имя вещи – взаимоотнождество и взаимоотноличение сущего (предмета) и иного (А.Ф. Лосев), с одной стороны, момент самореференции и инореференции самонаблюдающейся системы (Н. Луман) – с другой стороны, составляют изоморф «другого» (отдельного предмета), свойство, с помощью которого субъект (предмет) заявляет о себе (самореференция) и вступает во взаимодействие с «другим» (В.И. Игнатъев). «Имя вещи» – некоторая смысловая единица социального информационного взаимодействия, под которым понимается момент самореференции смысловой системы (Н. Луман). Момент самореференции системы составляет момент отличия или самоотличия системы, что предполагает одновременно самоназывание (самореференцию) и называние «другого» (инореференцию)¹⁴.

¹¹ Там же. С. 52.

¹² Там же. С. 53.

¹³ Там же. С. 55.

¹⁴ Владимирова Т.В. Социальное взаимодействие как информационный процесс // Игнатъев В.И., Владимирова Т.В.,

«Имя вещи есть то, через что окружающий её мир общается с ней. Имя вещи – сугубо социальное. Оно красноречиво рисует вещь всему ее окружению, рассказывает о ней, делает ее понятной»¹⁵. Другими словами, эта метафора выражает сторону социальной рефлексии, ориентированной на организацию связей и отношений элементов социального целого.

А.Ю. Шеховцев вводит «квант информации» как гносеологическое понятие единицы социального информационного взаимодействия¹⁶, мы же предлагаем обратиться к «имени вещи» А.Ф. Лосева как к онтологическому понятию в осмыслении оснований социального информационного взаимодействия. Если сопоставить имя вещи с представлением об информационном процессе как процессе отношения вещей как множеств информации, то получим утверждение: всякая вещь (представленная для наблюдателя информационным множеством) творит другие вещи и творима ими посредством имени. Имя вещи есть ее социальность (А.Ф. Лосев). В контексте нашего утверждения о содержании и форме социального информационного взаимодействия, имя вещи как социальная информация выступает содержанием социального информационного взаимодействия как способа социального бытия¹⁷.

Считаем, что в итоге, конкретно-вещественный образ мира замещается новым образом вновь создаваемой вещи, имя которой «Сеть». «Приручение человеком своих новых деятельных сил оказывается возможным только при условии их вынесения вовне, в систему обобщенного пространства и абстрактного времени, только за счет их облачения в инструментальную, предметную форму»¹⁸.

Сегодня способность времени разбиваться на времена и в то же время сохранять жесткое единство, подобно тому, как это происходит с пространством, создает условие возможности для образования коммуникационной «сетевой ткани». Это позволяет множиться социальным мирам, выстраивая сети в пространстве и времени произвольным образом: нанизывая их друг на друга или располагая параллельно друг другу¹⁹.

Считаем, что *Сеть как инструментальная предметная форма деятельности определяет сегодня во многом социальное (сверхчувственное) бытие личности, определяет особенности современной практики в условиях информационных потоков, позволяет перейти от пространства (вещей) к последовательным выражениям процессов и их соотношений, к схватыванию «вещей-процессов» более достоверно и эффективно, – к потокам. Она позволяет прорабатывать в формах-схемах по возможности большое количество связей и отношений.*

Социальная действительность, понимаемая как информационное множество, становится все более трудно постижимой. С дальнейшим увеличением частоты информационного процесса, сохранение рационального знания становится проблематичным. Система общества погружается в состояние семантической гипертрофии варьирования коммуникации (Н. Луман). Здесь трудно не согласиться с философскими интуициями Ж. Бодрийяра: многообразие форм деятельности или коммуникаций, дальнейшее их увеличение становится для сознания не столько эволюцией, сколько симуляцией.

Основной мотив творчества философа – переживание неподлинности мира, данного нам в культурном опыте, его зараженности паразитарными, вторичными, идеологическими смыслами. «Симулякр» – единица ложного, неподлинного смысла, функционирующего в культуре. Действительность в массовом количестве (возрастающем вместе с частотой социальных информационных процессов) вырабатывает самодостаточные, независимые от трансцендентных образцов (ценностей) симулякры и все больше формирует из них жизненную среду современного человека. Ж. Бодрийяр анализирует этот феномен от симуляции (подделки и производства) вещей до симуляции ценностей в виде

Степанова А.Н. Социальная система как информационное взаимодействие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. 308 с. Раздел I. С. 47-152.

¹⁵ Лосев А.Ф. Вещь и имя // Бытие–имя–космос / Сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 814.

¹⁶ Шеховцев А.Ю. Информационная парадигма в структуре современного мышления / Под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998.

¹⁷ Владимирова Т.В. Социальное взаимодействие как информационный процесс // Игнатъев В.И., Владимирова Т.В., Степанова А.Н. Социальная система как информационное взаимодействие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. 308 с. Раздел I. С. 47-152.

¹⁸ Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. М.: Академ. проект, 2001. С. 58.

¹⁹ Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 56-66.

абстрактных сущностей, циркулирующих в обществе. С известной точки зрения, симулякры – не что иное, как некоторая ситуация беспорядочного взаимодействия вещей, обусловленная нарастанием информационного потока, особый эффект времени, когда оно утрачивает свой линейный характер, начинает сворачиваться в петли и предъясвлять нам вместо реальностей их призрачные, уже отработанные копии. Симулякр – знак или неполная актуализация тех или иных явлений эмпирической реальности. Снятие ограничений и законов, присущих этим явлениям, способно изменять их облик и ход сколько угодно разительно и глубоко, симулируя эти явления и тем самым, позволяя легко усваивать их смысловой системе в виде набора знаков. Поэтому виртуальные практики, осуществляемые посредством «неполной актуализации эмпирической реальности» или симулякров, на вид представляются человеку не менее подлинной и радикальной альтернативой обычному, обыденному порядку существования. Обращение Ж. Бодрийяра к «симулятивному псевдобытию» человека как фиксации неподлинности действительности развивают утверждение о семантической гипертрофии варьирования коммуникации. Коммуникаций становится слишком много для человекообразной темпоральности. Своими потоками они приносят в действительность индивида и общества хаос и дезориентацию. Человек и общество не только стремительно утрачивают связь друг с другом, но и обретают неподлинное бытие в условиях гипертрофированной социальной реальности²⁰.

С другой стороны, проблема семантической гипертрофии лежит в предметном поле теорий «общества риска» (У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс, С. Лэш и др.). Осмысление риска как значимого социального фактора в жизни современного общества, связано с появлением контингентности (неопределенности), к которой приводит все та же семантическая гипертрофия варьирования коммуникации. Н. Луман утверждал, что современное общество переживает свое будущее в форме риска решений, для него вопрос об экологии – это вопрос самосохранения общества. Под экологией теоретик понимал «совокупность научных исследований, которые на любом уровне системообразования занимаются последствиями дифференцирования окружающей среды системы и самой системы для окружающей

среды»²¹. За экологическими проблемами неопределенности, отсутствием единой, целостной самореференции общества кроется прогрессирующая функциональная дифференциация современного общества, в основаниях которой лежит ускорение и накопление (уплотнение) коммуникаций. Н. Луман утверждал, что отсутствие в современном функционально дифференцированном обществе авторитетной позиции самонаблюдения ведет к легитимности «коммуникации незнания». В контексте наших рассуждений легитимность «коммуникации незнания» – это признание нормой такого состояния общества, где степень дифференциации системы уже не поддается адекватной самореференции и наблюдению второго порядка. В рассматриваемом контексте можно дать такое определение риска: *риск – это коммуникация (практика) незнания.*

Отсюда, для нас напрашивается предположение: *эволюция социальной формы деятельности или практики – это рождение, развитие и потенциальное умирание некоторой «рациональной социальности», в основаниях которой лежит увеличение потока информации, представляющей действительность.* Социальная форма деятельности, однажды зародившись, сегодня ускользает для сверхчувственного бытия личности, тем самым, подвергая его деструкции, поскольку частота социального информационного ускорения становится несоразмерной индивидуальному бытию человека.

Несколько обобщая рассуждения, связанные с проблемой социального информационного ускорения, мы находим все новые основания для наших предположений об основополагающей роли роста интенсивности социального информационного взаимодействия в судьбе социальной деятельности (практики), в судьбе социальности. Основное противоречие в проблеме социальной формы деятельности В.Е. Кемеров усматривает в несоответствии между общезначимыми образами объекта восприятия (вещи) или интерсубъективной формой представления объекта (вещи) и перспективами его (объекта) углублённого освоения, намечающимися нефиксированные тенденции его бытия²².

М. Эпштейн указывает на основной закон истории – отставание человека от человечества.

²⁰ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.

²¹ Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. С. 127.

²² Кемеров В.Е. Метафизика – динамика: к вопросу об эволюции метафизики // Вопр. философии. 1998. № 8. С. 59-67.

Возникают диспропорции между развитием человеческой индивидуальности, ограниченной биологическим возрастом, и социально-технологическим развитием человечества, для которого пока не видно предела во времени. С каждым поколением на личность наваливается все более тяжелый груз знаний и впечатлений, которые были накоплены предыдущими веками²³. Отсюда проблема отчуждения, поставленная девятнадцатым веком, и проблема утраты реальности, поставленная веком двадцатым. М. Эпштейн считает, что марксизм, экзистенциализм, постмодернизм решают, в сущности, одну проблему: растущую диспропорцию между человечеством и человеком, видом и индивидуумом, которая формулируется то как «отчуждение» и «проклятие частной собственности», то как «некоммуникабельность» и «царство абсурда», то как «гибель реального» и «царство симулякров»²⁴.

На наш взгляд, В.Е. Кемеров озвучивает эту проблему как «установление различия между социальной и общезначимой (интерсубъективной) формой представления объекта»²⁵. Здесь интересным образом встает проблема понятия социального: что это, – становление, конструирование формы деятельности или ставшая, уже общезначимая форма деятельности субъекта? Мы склоняемся к тому, что *социальное – это и становление деятельности, ведущее к структурированию* (Э. Гидденс), *и ставшее, общезначимые формы или социальные структуры*. Но динамика становления социальной сегодня настолько высока, что социальная форма деятельности или практики все более отрицает саму себя как ставшее.

Социальная реальность исчезает, утверждает теория постмодерна. Но она исчезает потенциально, всякий раз конструируясь вновь в неожиданных для общества формах. Здесь хотелось бы обратиться к находкам «актуальной социологии» Д.В. Иванова. Д.В. Иванов вводит представление о различных степенях понимания социальной. Он отмечает, что *различные формы структур выступают в качестве различных форм координации (взаимодействия – прим. автора), и эти формы су-*

щественно различаются по степени традиционно понимаемой социальности. На фоне абсолютно понимаемой социальности институтов, частной и ситуативной социальности интеракций, относительной социальности сетей появляется такие феномены как антисоциальность или альтерсоциальность пространства потоков, развивающегося в сетевом пространстве. Координация взаимодействия, соответствующая сетевому и потоковому пространству, соответствует типу координации на основе селекции и уже не связана с привычным смыслом интегрированности и нормативности²⁶. Можно сказать, что *социальная практика сегодня характеризуется различными формами социальности – абсолютной (институты), относительной (сети), ситуативной и частной (отдельные интеракции), альтерсоциальность (пространство потоков)*.

Выражение «люди выходят из себя» сегодня можно понимать отнюдь не в психическом, а в практически-деятельностном, социальном смысле. Связность повседневного существования людей, их телесного бытия, их сопряженность с обычной вещественной средой более не являются «натуральной» данностью, исходным условием их жизни, соблюдавшимся автоматически. Драма заключается не только в разрушении привычных детерминаций и мотивов в результате мощных социальных сдвигов, но и в том, что люди в своих попытках сохранить или сформировать надежные жизненные установки сами расшатывали и преодолевали «твердые» структуры повседневности, устоявшиеся формы обыденного поведения и сознания.

Отныне жизненные позиции перестали быть местами в естественном пространстве. Когда мы слышим об утрате здравого смысла, логики простых вещей, надежных и твердых структур повседневного опыта, надо, видимо, учитывать, что эти потери происходят не сами собой, а по ходу изменения людьми их «естественных» установок и жизненных траекторий, изменений особых, поскольку в деятельное освоение личностью структур бытия или в становление сверхчувственного бытия «включаются» процессы, силы, формы, несоразмерные с эталонами обыденного опыта²⁷.

²³ Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодерна // Информационное общество: экономика, власть, культура: хрестоматия: в 2-х ч. / Сост. В.И. Игнатьев, Е.А. Салихова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. Ч. 2. С. 183-195.

²⁴ Там же. С. 184.

²⁵ Кемеров В.Е. Метафизика – динамика: к вопросу об эволюции метафизики // Вопр. философии. 1998. № 8. С. 59-67.

²⁶ Иванов Д.В. Актуальная социология, веселая наука в поисках злых истин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3. С. 57-58.

²⁷ Кемеров В.Е. Метафизика – динамика: к вопросу об эволюции метафизики // Вопр. философии. 1998. № 8. С. 60.

В.Е. Кемеров утверждает, что когда пишут о гибели или смерти социального, стоит подчеркнуть, что гибнет или скорее отходит на второй план бытия социальность, редуцированная к жестким, внешним по отношению к индивидам установкам, овеществившимся структурам. Гибнет формализованная, институционализированная социальность, на время совпавшая с натуралистически – «естественным образом» – существовавшими установками и схемами здравого смысла²⁸.

Но что тогда неформализованная социальность – ведь «имя вещи» несет общезначимый образ действительности? Редуцированная к определенным структурам социальность изживает свою инертность и надежность, «пунктируется», частично распадается на элементы. Самое твердое становится самым хрупким.

Вслед за «метафизикой – динамикой» В.Е. Кемерова философская интуиция рождает некий «образ судьбы» информации как «имени вещи»: от смутного представления вещи для сознания к последующему рождению имени вещи и, далее, к рациональному познанию вещи, которое ведет к метафизике вещи, в виду ускользания «имени вещи», к возрастанию абстракций сверхчувственного бытия личности, которое ведет, опять же, к смутному представлению об имени вещи ввиду роста семиотической гипертрофии коммуникации (Н. Луман), симуляции социальной реальности (Ж. Бодрийяр), к исчезновению реальности. Однажды явившись сознанию посредством своего имени, вещь потенциально покидает его?

На наш взгляд, в основаниях этого движения в восприятии «имени вещи» как информации лежат различные характеристики интенсивности (частот) информационного процесса в порядке их возрастания, соответствующие абсолютной (институты), относительной (сети), ситуативной и частной (отдельные интеракции) социальности и альтерсоциальности (пространство потоков).

З. Бауман в работе «Индивидуализированное общество» рассуждает о современном обществе: «Общество, вступающее в XXI век отличается от всех других исторических форм человеческого существования: навязчивая и всепоглощающая, непрерывная и неостановимая модернизация, огромное и всеохватывающее стремление к творческому разрушению (либо, что тоже возможно, к разрушительному творчеству: к «расчистке пло-

щадки» для «новых и улучшенных» конструкций; «демонтажу», «вырезанию», «отбрасыванию», «минимизации» во имя больших производительности или конкурентоспособности). Принадлежать «модернити» (так Бауман называет современное общество), – значит быть не в силах остановиться, не говоря уже о том, чтобы стоять на месте. Принадлежать «модернити», – значит вечно опережать самого себя, находиться в состоянии постоянной трансгрессии, это значит обладать индивидуальностью, которая может существовать лишь в виде незавершенного проекта»²⁹.

«Никакого спасения за общественный счет» – З. Бауман приводит знаменитую фразу глашатая нового предпринимательского духа Питера Дракера; «не существует такой вещи, как общество» – еще более смелая формулировка Маргарет Тэтчер. В своей работе «Индивидуализированное общество» З. Бауман утверждает, что современное общество сформировалось отнюдь не в силу стремления отдельных индивидов, а в результате действия субъективных, и даже деперсонализированных сил и тенденций. «Сейчас, как и прежде, индивидуализация – это судьба, а не выбор»³⁰. Индивидуализация – это рост обособленности индивида, обусловленный раздельным характером деятельности или дальнейшим развитием дифференциации социальной коммуникации. Почему растет обособленность человека, потеря социальных связей? Потому что все менее возможным становится общезначимое в обществе, что, в свою очередь, вызвано двумя взаимосвязанными причинами:

первое – это высокая и увеличивающаяся скорость изменения значений;

второе – нарастание количества информации или моментов бытия личности, рост множественности значений³¹.

Возможно предположить, что скорость нарастания социальных изменений становится «нечеловеко-размерной», и, соответственно, высокое, рациональное знание современной сложной действительности становится все более недоступным для обыденного

²⁹ Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 59.

³⁰ Там же.

³¹ Владимирова Т.В. Социальное взаимодействие как информационный процесс // Игнатъев В.И., Владимирова Т.В., Степанова А.Н. Социальная система как информационное взаимодействие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. 308 с. Раздел 1. С. 47-152.

²⁸ Там же.

сознания человека. Сжатие социального времени, ускорение социальных изменений определяют современное общество, определяют проблему становления современной личности. *Индивиду необходимо в первую очередь «схватить скорость», успеть набрать нужное количество «знаков-инструментов» и вовремя поменять их для того, чтобы обрести приемлемую конфигурацию (формальную индивидуализацию – по выражению Баумана), способную к дальнейшим видоизменениям.*

«Все мы являемся сегодня индивидами; не в силу выбора, но по необходимости. Мы являемся индивидами de jure, независимо от того, являемся ли мы ими de facto: решение задач самоопределения, самоуправления и самоутверждения становится нашей обязанностью, и все это требует от нас самодостаточности, независимо от того, имеем ли мы в своем распоряжении ресурсы, соответствующие этой обязанности (возникающей скорее по недоразумению, чем обусловленной заранее составленным планом: просто не существует никаких институтов, способных сделать за нас нашу работу). Многие из нас индивидуализированы, не будучи на деле личностями, и еще больше таких, кто страдает от ощущения, что пока не доросли до статуса личности, позволяющего отвечать за последствия индивидуализации. Для большинства из нас индивидуализация сводится к тому, что специалисты сваливают свои противоречия и конфликты к ногам индивида и покидают его с благонамеренным предложением критически судить обо всем этом на основе собственных представлений. Как результат, большинство из нас вынуждено искать «биографическое решение системных противоречий»³².

З. Бауман не раз употребляет формулировку У. Бека «биографическое решение системных противоречий» в определении судьбы современной личности. «Быть личностью de jure означает, что невозможно винить за собственную жалкую участь никого, кроме самого себя, что причины своих поражений следует искать лишь в собственных праздности и лени, что избавлением от проблем требует все более серьезных (собственных) усилий. Очень нелегко жить, ежедневно порицая и презирая самого себя. Такая жизнь порождает все более болезненное ощущение неуверенности. Концентрируя внимание на собственном развитии

и тем самым уводя его в сторону от сферы общественного, где коллективно воспроизводятся противоречия индивидуального существования, люди естественным образом стремятся упростить свое положение»³³.

Существует широкая и углубляющаяся пропасть между бедственным положением «личностей de jure» и их шансами стать «личностями de facto», оказаться в состоянии контролировать свою судьбу и делать тот выбор, который в самом деле по душе. Можно сказать, что сама эта пропасть появилась и расширилась, прежде всего, в силу запустения общественного пространства, того самого места, где пересекаются общественное и частное, где частные вопросы переводятся на язык общественных задач и где изыскиваются, обсуждаются и согласуются общественные решения частных проблем.

«Общественное» не стремится больше колонизировать «частное». Теперь дело обстоит как раз наоборот: именно частное захватывает общественное пространство, выдавливая и выталкивая оттуда все, что не может быть полностью и без остатка переведено на язык частных интересов и целей. Если постоянно повторять, что каждый человек является хозяином своей судьбы, у него все будет все меньше и меньше причин считать заслуживающим его внимание все, что сопротивляется полному растворению в его «я» и отличается от того, с чем можно справиться собственными силами; а ведь именно наличие таких причин и вытекающих из них поступков и служит отличительным знаком гражданина, личности de facto.

Для индивида общественное пространство оказывается не более чем гигантским экраном, на который проецируются частные проблемы, не переставая, даже будучи увеличенными на экране, быть частными: оно становится местом, где публично обсуждаются частные проблемы и подробности интимной жизни. Из ежедневных экскурсий по общественному пространству индивиды возвращаются укрепившимися в своей de jure индивидуальности и уверившимися, что способ, которым они в одиночку справляются со своими делами, в точности таков же, как у других, похожих на них индивидов, и что они, так же, как и другие, делают промахи и сталкиваются с поражениями.

Что же касается власти (легитимности общественного), утверждает Бауман, то она уплывает с улиц и рыночных площадей, из залов собраний и

³² Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 133.

³³ Там же. С. 134.

парламентов, из кабинетов местных и национальных правительств и, не контролируемая гражданами, оказывается в экстерриториальном пространстве электронных сетей. Ее стратегическими принципами становятся удаление, увливание, разъединение и невидимость.

Таким образом, общественное пространство все более освобождается от общественных функций. Оно перестает играть свою прежнюю роль места, где сходятся частные неприятности и общественные задачи, где возникает диалог между ними. Под прессом индивидуализации люди медленно, но верно лишаются защитной оболочки гражданства и теряют свои гражданские привычки и интересы. В результате перспектива превращения «личности de jure» в «личность de facto», управляющую ресурсами, необходимыми для подлинного самоопределения, становится все более и более отдаленной³⁴.

«Личность de jure» не может стать «личностью de facto», не превратившись сначала в гражданина, то есть в личность социальную, симфоническую (Л. Карсавин). З. Бауман справедливо рассуждает, что не бывает автономных индивидов вне автономного общества, а автономность общества требует преднамеренного и сознательного самоопределения, которое может быть лишь коллективным достижением всех его членов. Другими словами, автономность, целостность социальной системы требует коллективных достижений, требует личности как самоотдачи, препятствующей ее дальнейшему самоделению, вынужденной индивидуализации. «Общество» всегда вступало в двойственные отношения с автономией личности: оно одновременно было и ее врагом, и ее условием. Но соотношения опасностей и возможностей в этих отношениях, обреченных оставаться двусмысленными, решительным образом изменилось на протяжении истории модернистского общества, утверждает З. Бауман. Сегодня в меньшей степени, чем врагом, общество является условием, в котором индивиды сильно нуждаются, но которого совсем не видят в тщетной и разворачивающейся борьбе за превращение своего формального статуса в подлинную автономию и реальную возможность для самоутверждения³⁵.

Основное противоречие «второй модернистской», пишет З. Бауман, это «зияющая пропасть между

правом на самоутверждение и способностью контролировать социальные условия, делающие такое самоутверждение осуществимым или нереальным³⁶. С этим утверждением сложно не согласиться, на самом деле: на сколько необходимо сегодня самоутверждение для личности, настолько же это невозможно ввиду «ускользающей ситуации» самого общества. Существование современной социальной системы обусловлено возрастанием социального информационного взаимодействия, которое диктует все новые и новые формы социальной деятельности. Имя вещи, появляясь, не успевает утвердиться как общезначимое, но ускользает, вслед за «ускользающей ситуацией» (Э. Тоффлер).

З. Бауман убежден, что если прежняя задача критической теории – освобождение человека (для нас, это становление личности – прим. автора) – сегодня еще что-то значит, то она заключается в соединении двух сторон пропасти, открывшейся между реалиями «личности de jure» и перспективой становления «личности de facto», к попыткам еще раз связать то, что разорвано на части сочетанием формальной индивидуализации и ростом отсутствия общезначимого, социального (для Баумана – это отделение власти от политики).

Итак, еще одной *основополагающей особенностью современных социальных практик является колонизация общественного частным или приватизация социального пространства*. Повторим, что «сегодня в меньшей степени, чем врагом, общество является условием, в котором индивиды сильно нуждаются, но которого совсем не видят в тщетной и разворачивающейся борьбе за превращение своего формального статуса в подлинную автономию и реальную возможность для самоутверждения».

М. Кастельс пишет о биполярной оппозиции между сетью и Я, фундаментальном расколе между абстрактным, универсальным инструментализмом и исторически укорененными партикуляристскими идентичностями. Народы еще живут в конкретных местах. Но, поскольку доминирующие функции и власть в наших обществах организованы в пространстве потоков, структурное господство этой логики очень существенно меняет значение и динамику мест. Опыт, будучи связан с местами, отделяется от власти, значение все больше отделяется от знания. В этих условиях структурного, шизофренического раздвоения между функцией и смыслом структуры социальной коммуникации по-

³⁴ Там же. С. 136.

³⁵ Там же. С. 137.

³⁶ Там же. С. 63.

падают под усиливающееся давление. Доминирующая тенденция направлена к горизонту сетевого, внеисторического пространства потоков, стремящегося навязать свою логику рассеянным сегментированным местам, все слабее связанным друг с другом, все менее и менее способным пользоваться общими культурными кодами³⁷. Когда коммуникация рушится (а этому способствует универсальный абстрактный универсализм, реализуемый сетью – прим. автора), когда она более не существует даже в форме конфликтной коммуникации (социальная борьба, политическая борьба), социальные группы и индивиды отчуждаются друг от друга и видят в другом чужака, затем врага³⁸. Как объединить новые технологии и коллективную память? Почему идет увеличение дистанции между глобализацией и идентичностью, между сетью и Я? – эти проблемы Кастельс провозглашает ключевыми проблемами в современном мире³⁹.

Мы же фиксируем еще одно основополагающее свойство современных социальных практик – направленность к «сетевому, внеисторическому пространству потоков» в ущерб устойчивости общих культурных кодов общества.

Итак, на наш взгляд, выше приведены общие характеристики современных социальных практик. Необходимо понимать, что эти характеристики вырабатываются и индивидом (психической), и другими социальными субъектами на предмет адаптации внешней среды, которая обусловлена возрастающей интенсивностью вариативности коммуникации. Интенсивность эта выражена в информационных потоках. Приведенные особенности современности лежат в основании практик обеспечения безопасности, которая заключается в сохранении устойчивости, защите интересов субъектов в условиях роста девиации/инновации (Н. Луман) или в условиях роста информации.

Список литературы:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
3. Владимирова Т.В. Социальное взаимодействие как информационный процесс // Игнатьев В.И., Владимирова Т.В., Степанова А.Н. Социальная система как информационное взаимодействие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. 308 с. Раздел 1. С. 47-152.
4. Иванов Д.В. Актуальная социология, веселая наука в поисках злых истин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3. С. 57-58.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / Под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2000.
6. Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. М.: Академ. проект, 2001.
7. Кемеров В.Е. Метафизика – динамика: к вопросу об эволюции метафизики // Вопр. философии. 1998. № 8. С. 59-67.
8. Лосев А.Ф. Вещь и имя // Бытие–имя–космос / Сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993.
9. Лукьянов Г.И. Концептуальное обоснование риска в контексте социальной реальности // Философия и культура. 2011. № 11. С. 59-65.
10. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001.
11. Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Логос, 2004.
12. Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 56-66.
13. Филиппов А.Ф., Луман Н. Наблюдение современности // Социол. журн. 1994. № 1.
14. Шеховцев А.Ю. Информационная парадигма в структуре современного мышления / Под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998.
15. Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодерна // Информационное общество: экономика, власть, культура: хрестоматия: в 2-х ч. / Сост. В.И. Игнатьев, Е.А. Салихова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. Ч. 2. С. 183-195.

References (transliteration):

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo: per. s angl. / Pod red. V.L. Inozemtseva. M.: Logos, 2002.

³⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / Под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2000. С. 278.

³⁸ Там же. С. 27.

³⁹ Там же. С. 44.

2. Bodriyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert'. M.: Dobrosvet, 2000.
3. Vladimirova T.V. Sotsial'noe vzaimodeistvie kak informatsionnyi protsess // Ignat'ev V.I., Vladimirova T.V., Stepanova A.N. Sotsial'naya sistema kak informatsionnoe vzaimodeistvie. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2009. 308 s. Razdel 1. S. 47-152.
4. Ivanov D.V. Aktual'naya sotsiologiya, veselaya nauka v poiskakh zlykh istin // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2010. № 3. S. 57-58.
5. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura: per. s angl. / Pod nauch. red. O.I. Shkaratana. M.: Gos. un-t Vyssh. shk. ekonomiki, 2000.
6. Kemerov V.E. Vvedenie v sotsial'nyu filosofiyu. M.: Akadem. proekt, 2001.
7. Kemerov V.E. Metafizika – dinamika: k voprosu ob evolyutsii metafiziki // Vopr. filosofii. 1998. № 8. S. 59-67.
8. Losev A.F. Veshch' i imya // Bytie–imya–kosmos / Sost. i red. A.A. Takho-Godi. M.: Mysl', 1993.
9. Luk'yanov G.I. Kontseptual'noe obosnovanie riska v kontekste sotsial'noi real'nosti // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 11. S. 59-65.
10. Luman N. Vlast' / Per. s nem. A.Yu. Antonovskogo. M.: Praksis, 2001.
11. Luman N. Obshchestvo kak sotsial'naya sistema / Per. s nem. A.Yu. Antonovskogo. M.: Logos, 2004.
12. Nazarchuk A.V. Sotsial'noe vremya i sotsial'noe prostranstvo v kontseptsii setevogo obshchestva // Voprosy filosofii. 2012. № 9. S. 56-66.
13. Filippov A.F., Luman N. Nablyudenie sovremennosti // Sotsiol. zhurn. 1994. № 1.
14. Shekhovtsev A.Yu. Informatsionnaya paradigma v strukture sovremennogo myshleniya / Pod red. V.B. Ust'yantseva. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1998.
15. Epshtein M. Informatsionnyi vzryv i travma postmoderna // Informatsionnoe obshchestvo: ekonomika, vlast', kul'tura: khrestomatiya: v 2-kh ch. / Sost. V.I. Ignat'ev, E.A. Salikhova. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2004. Ch. 2. S. 183-195.